

Сименон Ж

2/IX 89

Последнее интервью Ж. Сименона

Я даже не понял сразу, о чем идет речь, когда вчера из Лозанны позвонил Даниэль Пийар, главный редактор еженедельника «Иллюстре», который помогал мне встретиться с Жоржем Сименон. Он сказал: «Владимир, вы последний журналист, который сумел взять у него интервью...» Действительно, мое интервью с Сименон, опубликованное в «Правде» 14 апреля этого года, оказалось последним интервью самого читаемого на Земле писателя, общий тираж произведений которого достиг 550 миллионов экземпляров.

Даниэль одним из первых узнал в Лозанне о смерти Сименона, о которой официально сообщили только вчера поздно вечером, после того как был развеян прах писателя под кроной ливанского кедра, бывшего гордостью сада, разбитого перед его последним домом в Лозанне. Такова была последняя воля Сименона. По радио вскоре прозвучала фраза: «Сегодня в возрасте 86

лет умер отец комиссара Мегрэ...»

Да, прежде всего Сименон вошел в литературу как создатель образа этого неутомимого следователя из французской криминальной полиции, который до сих пор живет на страницах 84 из более чем 300 созданных им книг. Именно Мегрэ принес ему славу, мировую известность и повсеместную любовь. И не только в тех 39 странах, где он издан на 55 языках. Большинство познакомилось с Мегрэ по многочисленным кинофильмам и телесериалам.

В нашей стране Сименона знали и любили давно, еще до того, как он стал всемирно известен. Впервые он побывал у нас в журналистской командировке в 1933 году. Его книги переведены на русский, белорусский, украинский, молдавский, грузинский, армянский, эстонский и другие языки народов СССР.

...Тогда, в апреле, я думал, что интервью взять не удастся. Теперь уже могу сказать, что первая поездка в Лозанну с этой целью закончилась неудачно. Жорж Сименон перенес в 1984 году тяжелую операцию по удалению опухоли мозга, и его верная подруга Тереза не допускала к нему никого. Со второго «захода» с помощью Д. Пийара все же удалось попасть в «Бориваж», роскошный лозаннский пансион, где последнее время Сименон жил вместе с Терезой и не отлучавшейся от него ни на миг медсестрой. Интервью шло трудно. Тереза многое мне «переводила» с французского на французский же. Сименон пошутил по этому поводу: «У меня после операции язык заплетается. Только Тереза понимает все». Вчера, поговорив с Даниэлем, я тут же просмотрел свои записки и заново прослушал пленку с той беседой в «Бориваж». В «Ил-

люстре» спрашивали: не осталось ли что-нибудь у меня «в записках»? Спасибо «Правде», из того интервью, которое я тогда передал в редакцию, «за бортом» осталось немного. И в своих записках я обнаружил вот что... Сименон с помощью Терезы раскуривал свою трубку. То ли это просто дань привычке, то ли разволновался после того, как я сказал: «Журналисты вам говорили после опубликования «Интимных мемуаров», что вы рубите сук, на котором сидите, — никаких тайн Сименона не осталось. А следовательно, не осталось и тем для сенсационных интервью для радио и телевидения...»

«Да, — ответил он, — они так говорили. И тем не менее просьбы об интервью — спросите Терезу, она знает, она с ними занимается — поступают и сейчас едва ли не ежедневно. Я не знаю, читали они мои мемуары или нет. Когда я принялся их писать,

я сказал сам себе: «Ты должен сделать это сам. Но только правда, и ничего, кроме правды». Это чтоб никто про меня ничего не выдумывал. Я рассказал все как было, все как есть...»

Под конец я спросил его, следит ли он за политикой, событиями в мире. Он ответил: «Разве что по телевизору».

«А о тех событиях, которые происходят в СССР, о перестройке вы знаете?»

Я задал этот вопрос, памятуя о его ответе на вопрос корреспондента «Юманите» накануне 70-летия Великого Октября, когда Сименон пожелал успеха перестройке. Мне Сименон сказал, немного подумав: «Тройка... Это такая повозка в России, запряженная тремя лошадьми...»

«...Я говорю о перестройке, это совсем другое...»

И снова в его глазах вспыхнули знакомые огоньки. «Я знаю, — сказал он. — Просто я вспомнил

своего любимого Гоголя: «Тройка, птица — тройка...» Гоголь говорил: «И какой же русский не любит быстрой езды...» Что ж, вы мчитесь очень быстро. Желаю вам успеха, продолжайте начатое...»

На том наше интервью и кончилось. Я сделал несколько снимков и попросил Терезу сфотографировать нас вместе. Уже проявив пленку, обнаружил, что с моим аппаратом она не совладала — на фотографии рядом с Сименон я в кадр не попал.

В своем письме к семье Сименона президент Франции Ф. Миттеран сказал, что писатель «останется верным товарищем читателей всех поколений и континентов. Вобрав в себя различные культуры, Жорж Сименон оставил нам труд, который стал достоянием всего человечества».

В. БОЛЬШАКОВ.

(Соб. корр. «Правды»).

г. Париж, 7.

Правда. - 1989 - 8 сент. - с. 7

332